

УДК 821.161.1: 168.522 (Русская литература /Гуманитарные науки. Культурология)

АПОФАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ В.Ф. ДУДАРЕВА

© 2024 М.А. Дударева^{1,2}, О.Ю. Рождественская³

Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии, доктор филологических наук,

¹заведующий кафедрой общей и славянской филологии

Института славянской культуры,

²профессор кафедры журналистики

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Рождественская Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов

E-mail: o.rozhdestvo@gmail.com

¹РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Москва, Россия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 03.12.2024

Объектом исследования выступает феномен апофатики культуры, проявившийся в русской поэзии. Предметом научной работы являются образные реализации этого феномена в творчестве современного поэта. Материалом для статьи послужила поэзия Валерия Дударева (главный редактор литературного журнала «Юность» с 2007 по 2019 г.), а именно его стихи из зимнего раннего цикла, представленного в сборниках «На склоне двадцатого века» и «Ветла». В центре герменевтического анализа — образные реализации феномена апофатики в поэтической подборке поэта, в которой проявились апофатическая традиция цвета и света, связанная с экзистенциалом одиночества, познанием Другого. Обращаемся на типологическом уровне к пушкинскому тексту, взглядам на искусство художников эпохи модернизма, В. Кандинскому. Подробно рассматриваем понятие «апофатика», без которого невозможно совершить методологический прорыв в плане понимания онтологических вопросов творчества. Результаты исследования заключаются в выявлении культурфилософского потенциала современной поэзии для дальнейшего изучения проблемы апофатики как феномена русской художественной культуры, ее национального бытия. Настоящее исследование может быть интересным для литературоведов, включающих литературу в пространство большого бахтинского диалога культур, а также преподавателям курсов культурологии и философии.

Ключевые слова: русская культура, современная литература, апофатика, танатологический текст, А.С. Пушкин, творчество В.Ф. Дударева, символ

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-58-63

EDN: SJVBOS

Введение. Литературные критики Л. Аннинский, И. Ростовцева относили поэзию В. Дударева к «тихой лирике», хотя его художественное слово вызревало в очень неудобных и страшных социальных условиях распада страны, который поэт предчувствовал еще в конце 1980-х в сборнике «На склоне двадцатого века». Казалось бы, громким событиям нужен был громкий голос, например, стилистика В. Маяковского, нежели размышления о русских тропинках, ветлах (осевой образ в поэтике В. Дударева [10]), колодцах, колокольнях и звездах. Однако в «эпоху смут и

революций селиться лучше в далеке», пишет поэт Валерий Дударев, как бы заставляя нас повернуть голову в сторону русской провинции, русской деревни и русской вечности, переживание которой онтологически важно для русского человека. Не поэтому ли у поэта такие простые (внешне, по форме) стихи и краски? Критик и литературовед И. Ростовцева в своей программной о дударевской творческой мастерской статье «До игры» тонко подмечает: «Очень многое в этом видимом мире закрыто от нас завесой, спрятано от наглого, назойливого — в упор — взгляда. Не

случайно, чтобы охранить тайну, поэт выбирает самую темную краску: его излюбленный эпитет — «тёмный» [7, с. 187].

История вопроса. Под апофатикой здесь подразумеваем не только и не столько метод познания сакральной реальности через отрицание всех возможных ее предикатов как ложных или частично ложных, сколько феномен (ноумен) непостижимого, неведомого, приоткрывающегося нам ризомно, едино (множественно) в пороговый час бытия. Об этом в связи с иерофанией писал этнограф М. Элиаде: «Человек узнает о священном потому, что оно *проявляется*, обнаруживается как нечто совершенно отличное от мирского. <...> Пожалуй, история религий, от самых примитивных до наиболее изощренных, есть не что иное, как описание иерофаний, проявлений священных реальностей» [16, с. 17].

Апофатичны, непредсказуемы для нашего радио Красота, Любовь, Смерть. Литературоведы, исследующие русский художественный апофатизм, обращаются именно к этим Абсолютам культуры [10], которые связаны с *текстом судьбы*. В отечественном космо-психо-логосе (диалектическая триада Г.Д. Гачева [4]) особым

апофатизмом наделена и природа, космос русской равнины, о географии которой уже писал В.П. Океанский [15, с. 241]. Через равнину и на равнине мы апофатически переживаем *трансцендентное*. В русском (преимущественно зимнем) поле совершаются судьбоносные встречи — одна из самых ярких у А.С. Пушкина в «Капитанской дочке». Ощущение открытого пространства, нашей равнины, которая апейронна по своей сути, обостряется во время метели. Метель в нашем художественном космосе связана с *текстом судьбы*, пишущей свои законы. Метель в поэтике В. Дударева апофатична и судьбоносна, о чем уже писали литературоведы [9], но она также сопряжена с экзистенциалом *одиночества* и ситуацией нравственного выбора (стихи «Напредчувствую снег...», «Дорога сумрачна. Луна...»).

Методы исследования: онтогерменевтический анализ трех «метельных» стихотворений поэта, в которых проявляется его *апофатическое мышление*.

Результаты исследования. Первое стихотворение — «Предзимье» — раннее, является программным для сборника «На склоне двадцатого века» (1994), который оно и открывает:

Снег созрел под утро.
Ветер налетел.
Черная дорога бьется о метель.

Ах, зачем же биться
Да себя крошить? —
Ведь на целом свете не сыскать души!

И никто не вспомнит, если б и хотел,
Как моя дорога
Билась о метель! [6, с. 5].

Справедливо замечание филологов В.Э. Морозова и Е.Л. Черкашиной о метафизичности цвета в данном тексте: «Для поэта важна эта метафизика движения, борьбы со снегом, с наступающей зимой, которая выражена в двух колоративах, белом (имплицитно) и черном (эксплицитно)» [14, с. 152]. Черный и белый здесь не просто выступают в качестве колоративов, а являются кодами Тьмы и Света, которые *со-существуют*, *со-положены* друг другу. В этом мы также наблюдаем проявление *апофатической традиции* света в мировой культуре. В статье Н.В. Брагинской, А.И. Шмаиной-Великановой подробно представлена апофатическая традиция переживания Божественного света, утреннего и вечернего [3]. В этом аспекте обратим внимание на утренний час

у В. Дударева, когда созревает снег, являющийся символом предзимья, состояния лиминального по своей сути: мы уже распрощались с золотой осенью, но еще не вступили в зиму. С одной стороны, лирический герой понимает внешнюю бесполезность борьбы со стихией («Ах, зачем же биться? / Да себя крошить?»), с другой стороны, эта борьба носит *онтологический* характер, представляя собой *агон* (*агон* — греч. ἀγών — «борьба, состязание», космическая борьба как элемент древней мистерии), космическое состязание в данном случае с самим собой, которое разрешается в последней строфе: никто не вспомнит обо мне из людей, но я сам на себя другого гляжу со стороны, из будущего времени. Об этом отстранении от себя самого писали и М.М. Бахтин, и

близкий к нему В.В. Биbihин. Последний — в работе «Лес»: «...нам не надо смотреть дальше, чем в нас самих, в энциклопедии или кого-то спрашивать, что такое Бог. Это все равно что я пошел бы у кого-то разузнавать, кто такой я. Это в нас всегда, хотя чаще в привативном модусе» [1, с. 42].

Бывает: метель закрутит!
Сидишь за чайком в тепле,
Думаешь: где-то люди
По снежной бредут земле.

Бывает: метель закрутит!
По снежной бредешь земле,
Думаешь: где-то люди
Сидят за чайком в тепле [7, с. 67].

Здесь усиливается *апофатизм* художественного мышления поэта, который заключается в ситуации нравственного выбора: ты остаешься дома, в кругу близких, «за чайком в тепле», или ты выходишь в этот мир, идешь в метель, чтобы повстречаться с Богом (или обратным его проявлением, как в пушкинских «Бесах»).

В. Дударев — поэт нравственного выбора, к которому он всегда подводит своего читателя. Легко остаться дома, выбрать уют и комфорт, и трудно скитаться по Руси, постигая метельность жизни. В двух строфах, в этой короткой форме, которую высоко ценил поэт, с одной стороны, разрешается опасный экзистенциал одиночества, с другой стороны, В. Дударев погружает нас во множественность возможных решений ситуации. Здесь можно вспомнить феномен лотмановского взрыва (работа «Культура и взрыв»), ведущего к разным исходам одной ситуации: «выбор будущего реализуется как случайность» [13, с. 22]. Такой «взрыв» в поэтике В. Дударева часто

Но чтобы понять свою *предельность*, надо от себя, своей самости отстраниться, трансцендировать за пределы своего «Я», что и происходит во втором «метельном» стихотворении цикла того же творческого периода:

встречается (стихотворение «Желтые заборчики» показательны в этом отношении) и иногда вмещается в какую-нибудь вещь, как, например, в разбираемом тексте: в образе-символе чашки чая выражен и домашний мир с его радостями, отношениями домочадцев, и остранение и отстранение от этой чашки, которая не только полезна для лирического героя, но и губительна. Это противоречие можно понять через *пушкинский код*, присутствующий в поэтике В. Дударева. У А.С. Пушкина в стихотворении «Зимняя дорога», к которому открыто обращается современный поэт в своем творчестве (имеется в виду стихотворение «Все дальше в северную сторону...»), лирический герой томится скукой в домашнем кругу, в объятиях милой, ожидая своего полночного часа, встречи с Ниной, проводником, своего рода даймоном, знаменующей конец инициационного пути. Этот любовный парадокс, русская *метафизика разъятия* еще очевиднее в стихотворении В. Бокова (1973):

На лесах позолота, листопад за окном
Не хватает кого-то в добром сердце моем
И любимая рядом, и любовь по плечу,
Но душою и взглядом я куда-то лечу

Кто-то манит и манит в далекую даль
Словом ласковым ранит говорит – ожидай,
И лечу я куда-то, и покоя мне нет
И летит позолота на тревожный мой след [2].

Эти переложенные на музыку стихи, исполненные другом В. Дударева, Анатолием Шамардиным из ансамбля Утесова, весьма показательны в контексте наших размышлений об

апофатизме творчества русских поэтов: любимая, но земная женщина не может удовлетворить духовного побуждения к имажинативному абсолюту, поэт ищет Ту, которой в мире (зримом) нет.

Метафизика разъятия, девальвация секса по-русски (определение Г.Д. Гачева из книги «Русский эрос») присуща и поэтам-символистам, и творчеству С.А. Есенина с софийными образами в «Персидских мотивах» и поздних, предсмертных коротких стихах [8], поэтический голос которого часто слышен в художественном мире В. Дударева. И кажется, что «метельное» стихотворение не о

любви, у поэта не так много любовных стихотворений (они появятся только в поздний период творчества), но эту метафизику разъятия себя с самим собой, себя с Другим, мы чувствуем.

В третьем раннем «метельном» стихотворении, замыкающем этот своеобразный триптих, можно также наблюдать диалектику движения, круговорот жизни и смерти:

Метель рождает корабли
И надрывается при этом,
Но только летом, только летом
Они уходят от земли.

Метель жалеет корабли,
Что летом жмурятся от сини,
Но за огнями грусти зимней
Они уходят от земли [6, с. 22].

Образ-символ корабля отсылает нас к корабельно-лодочной традиции, мощно проявившейся в отечественной словесности. Стоит культурологически обратить внимание на два момента: во-первых, лодка, ладья, челн, корабль (не исключают друг друга) в нашей культуре выполняют медирующие функции, участвуя в погребальной обрядности, во-вторых, этот архетип, известный нам еще по разным жанрам русского фольклора (загадки, былины, драма), связан также с текстом судьбы.

Степан Разин на стенах темницы рисует расписную ладью (одна далекая точка в нашей художественной словесной культуре), герой любимого Дударевым стихотворения Н. Рубцова «В горнице» чинит загнившую лодку под ночной звездой и думает о своей судьбе (вторая, близкая онтологически, точка в словесности). Метель рождает корабли — этот образ можно понять только апофатически на уровне инстинкта культуры, имажинативно срабатывающего в творчестве поэта. Здесь под имажинативным (Абсолютом), вслед за Я.Э. Голосовкером, понимаем высший образ культуры, связанный с Абсолютом, который рождается в душе художника, если он допускает работу инстинкта культуры в себе [8]. Этот процесс узнавания искусства, постижения его *ауры*, В. Кандинский емко обозначил одним

определением — «настроения» искусства, которые есть и в живописи, и в музыке, и в литературе и которые реципиент должен прочувствовать, суметь погрузиться в ауру произведения: «Тот же период материализма воспитал во всей жизни, а значит и в искусстве, зрителя, который не может воспринимать картины просто (особенно “знаток искусства”) и ищет в картине все что угодно... не ищет он только восприятия внутренней жизни картины, не пытается дать картине непосредственно воздействовать на себя» [12, с. 127].

Вывод. В трех стихотворениях В.Ф. Дударева, организуемых своеобразный «метельный» триптих, выразилась апофатика художественного мышления поэта, который своего читателя постоянно ставит в ситуацию нравственного выбора. В чем суть этого выбора и отчего он так труден для нас? Мы, люди цифровой зоны, привыкшие к комфорту, готовые получать быстрый доступ ко всем благам цивилизации, стали метафизически отрешенными, и нас нужно привести самих к себе, вернуть в сакральное лоно Вселенной, заставить трансцендировать за пределы собственного «Я», любить этот мир и видеть Другого, а это может сделать в литературоцентричной России только поэзия как высшая форма бытия для русского человека.

1. Библихин, В. В. Лес. — СПб.: Наука, 2011. — 425 с.
2. Боков, В. Собрание сочинений. Том 3. Песни. Поэмы. Над рекой Истермой (Записки поэта). [Электронный ресурс]. — URL: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/359457-19-viktor-bokov-sobranie-sochineniy-tom-3-pesni-poemy-nad-rekov-istermoy-zapiski-poeta.html> (дата обращения: 02.12.2024).
3. Брагинская, Н.В., Шмайна-Великанова, А. И. Свет вечерний и свет не вечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. — С. 73–92.
4. Гачев, Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. — М.: Академический проект, 2007. — 511 с.

5. Голосовкер, Я. Э. Имагинативный абсолют. — М.: Академический проект, 2012. — 318 с.
6. Дударев, В. На склоне двадцатого века. — М.: Радунца, 1994. — 116 с.
7. Дударев, В. Ветла и другие стихотворения. — М.: Художественная литература, 2016. — 196 с.
8. Дударева, М. А. Апофатические формулы русского фольклора: образы смерти в стихотворении С. А. Есенина «Голубая кофта. Синие глаза...» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2024. — Т. 2, № 5. — С. 23–31.
9. Дударева, М. А., Арипова, Д. А. Лексико-семантическое поле «зима» в поэзии Валерия Дударева: апофатика метели // Казанская наука. — 2023. — № 11. — С. 149–151.
10. Дударева, М. А., Никитина, В. В. Лексико-семантическое поле «родина» в поэзии Валерия Дударева: национальная топика // Казанская наука. — 2023. — № 8. — С. 29–31.
11. Елепова, М. Ю. Эстетика В. А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. — 2012. — № 4 (22). — С. 176–178.
12. Кандинский, В. О духовном в искусстве. — Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1967. — 159 с.
13. Лотман, Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб, 2010. — 703 с.
14. Морозов, В. Э., Черкашина, Е. Л. Семантика цвета в поэзии Валерия Дударева (о стихотворении «Предзимье») // Казанская наука. — 2024. — № 9. — С. 151–153.
15. Океанский, В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. — Иваново: ШГПУ, 2010. — 358 с.
16. Элиаде, М. Священное и мирское. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 143 с.

APOPHATICS OF ARTISTIC THINKING OF V.F. DUDAREV

© 2024 M.A. Dudareva^{1,2}, O.Yu. Rozhdestvenskaya³

Marianna A. Dudareva, Doctor of Philology, Doctor of Culturology,

¹Head of The Department of General and Slavic Philology

Institute of Slavic Culture

²Professor of the Department of Journalism

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Olga Y. Rozhdestvenskaya, PhD of Philology, Senior Lecturer of the Department Russian

as a Foreign Language for Students of Faculties of Natural Sciences

E-mail: o.rozhdestvo@gmail.com

¹Russian State University named after. A.N. Kosygin

Moscow, Russia

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

³Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

The object of the study is the phenomenon of cultural apophatics, manifested in Russian artistic verbal culture, in poetry. The subject of scientific work is the figurative realizations of this phenomenon in modern poetry. The material for the article was the poetry of Valery Dudarev (editor-in-chief of the literary magazine "Youth" from 2007 to 2019), namely his poems from the early winter cycle, presented in the collections "On the slope of the twentieth century" and "Vetla". The center of the hermeneutic analysis is the figurative realizations of the phenomenon of apophatics in the poet's poetry collection, which manifested the apophatic tradition of color and light associated with the existential loneliness, knowledge of the Other. We turn to Pushkin's text, views on the art of artists of the modernist era, V. Kandinsky at the typological level. We consider in detail the concept of "apophatics", without which it is impossible to make a methodological breakthrough in terms of understanding the ontological issues of creativity. The results of the study consist in identifying the cultural-philosophical potential of modern poetry for further study of the problem of apophatics as a phenomenon of Russian artistic culture, its national existence. The results of the work may be of interest to literary scholars who include literature in the space of the great Bakhtinian dialogue of cultures, and can also be used in teaching courses on cultural studies and philosophy.

Keywords: Russian culture, modern literature, apophatics, thanatological text, A.S. Pushkin, works of V.F. Dudarev, symbol

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-58-63

EDN: SJVBOS

1. Bibihin, V. V. Les (Forest). — SPb.: Nauka, 2011. — 425 s.
2. Bokov, V. Sobranie sochinenij. Tom 3. Pesni. Poemy. Nad rekoj Istermoj (Zapiski poeta) (Collected Works. Volume 3. Songs. Poems. Over the Isterma River (Notes of a Poet)) [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/359457-19-viktor-bokov-sobranie-sochineniy-tom-3-pesni-poemy-nad-rekoy-istermoy-zapiski-poeta.html> (data obrashhenija: 02.12.2024).
3. Braginskaja, N. V., Shmaina-Velikanova, A. I. Svet vechernij i svet nevechernij (Evening light and non-evening light) // Dva venka: Posvjashhenie Ol'ge Sedakovej. — M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2013. — S. 73–92.
4. Gachev, G. D. Kosmo-Psiho-Logos: Nacional'nye obrazy mira (Cosmo-Psycho-Logos: National Images of the World). — M.: Akademicheskij proekt, 2007. — 511 s.
5. Golosovker, Ja. Je. Imaginativnyj absoljut (Imaginative Absolute). — M.: Akademicheskij proekt, 2012. — 318 s.
6. Dudarev, V. Na sklone dvadcatogo veka (On the Slope of the Twentieth Century). — M.: Radunica, 1994. — 116 s.
7. Dudarev, V. Vetla i drugie stihotvorenija (Vetla and Other Poems). — M.: Hudozhestvennaja literatura, 2016. — 196 s.
8. Dudareva, M. A. Apofaticheskie formuly russkogo fol'klora: obrazy smerti v stihotvorenii S. A. Esenina «Golubaja kofta. Sinie gla-za...» (Apophatic Formulas of Russian Folklore: Images of Death in S. A. Yesenin's Poem "Blue Jacket. Blue Eyes...") // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. — 2024. — T. 2, № 5. — S. 23–31.
9. Dudareva, M. A., Aripova, D. A. Leksiko-semanticheskoe pole «zima» v poezii Valerija Dudareva: apofatika meteli (The lexical-semantic field "winter" in the poetry of Valery Dudarev: the apophatics of a blizzard) // Kazanskaja nauka. — 2023. — № 11. — S. 149–151.
10. Dudareva, M. A., Nikitina, V. V. Leksiko-semanticheskoe pole «rodina» v poezii Valerija Dudareva: nacional'naja topika (The lexical-semantic field "homeland" in the poetry of Valery Dudarev: national topics) // Kazanskaja nauka. — 2023. — № 8. — S. 29–31.
11. Elepova, M. Ju. Jestetika V. A. Zhukovskogo v apofaticheskom kontekste (Aesthetics of V. A. Zhukovsky in the apophatic context) // Diskussija. — 2012. — № 4 (22). — S. 176–178.
12. Kandinskij, V. O duhovnom v iskusstve (On the Spiritual in Art). — N'ju-Jork: Mezhdunarodnoe literaturnoe sodruzhestvo, 1967. — 159 s.
13. Lotman, Ju. M. Semiosfera (Semiosphere). — SPb.: Iskusstvo-SPB, 2010. — 703 c.
14. Morozov, V. Je., Cherkashina, E. L. Semantika cveta v poezii Valerija Dudareva (o stihotvorenii «Predzim'e») (Semantics of Color in the Poetry of Valery Dudarev (on the Poem "Before Winter")) // Kazanskaja nauka. — 2024. — № 9. — S. 151–153.
15. Okeanskij, V. P. Chelovek i total'nost': pojetika prostranstva i ee krizis (Man and Totality: The Poetics of Space and Its Crisis). — Ivanovo: ShGPU, 2010. — 358 s.
16. Jeliade, M. Svjashhennoe i mirskoe (Sacred and secular). — M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994. — 143 s.